

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ (СУДЕБНЫХ) ДОКТРИН: ОПЫТ США И ВОЗМОЖНОСТИ РЕЦЕПЦИИ

© 2022 г. Н. С. Латыпова

Институт права Башкирского государственного университета, г. Уфа

E-mail: marchrose@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.03.2021 г.

Аннотация. Сложившиеся реалии стремительного развития технологий и усложняющихся в этой связи общественных отношений требуют формирования новых форм и типов правового регулирования. При этом количественный критерий принятых правовых норм справедливо считать неэффективным способом устранения неопределенности права. В свою очередь, практика использования правовых доктрин как источника права в англосаксонской правовой системе в течение нескольких столетий показывает свою эффективность в вопросах регулирования отношений, оставшихся за границами правового пространства; при этом учитываются как правовая традиция, доктринальные толкования ученых-юристов, так и сложившаяся судебная практика. В исследовании автор предлагает в качестве перспективы развития российской правовой науки и практики формирование отраслевых правовых доктрин по аналогии с опытом использования подобных институтов в Соединенных Штатах Америки. С этой целью рассмотрены особенности института правовых доктрин в США. В результате исследования автор приходит к выводу о возможности успешной экстраполяции данного института. При этом подчеркивается, что процесс формирования отраслевых правовых доктрин должен заключаться в сборе эмпирического материала, данных мониторинга действия нормативных правовых актов и результатов научной деятельности. Однако в результате этого трудоемкого процесса доктрины станут инструментом, позволяющим определять должное правовое регулирование стремительно меняющихся общественных отношений, не дожидаясь результата длительного правотворческого процесса и будут подспорьем как для законодателей, так и для правоприменителей.

Ключевые слова: правовые доктрины, судебные доктрины, доктрины США, правовая система США, российская правовая система, отраслевые доктрины, судебный прецедент, юридические инновации, неопределенность права.

Цитирование: Латыпова Н. С. Перспективы формирования правовых (судебных) доктрин: опыт США и возможности рецепции // Государство и право. 2022. № 7. С. 162–167.

DOI: 10.31857/S102694520014055-1

PROSPECTS FOR THE FORMATION OF LEGAL (JUDICIAL) DOCTRINES: THE EXPERIENCE OF THE USA AND THE POSSIBILITIES OF RECEPTION

© 2022 N. S. Latypova

Institute of Law of Bashkir State University, Ufa

E-mail: marchrose@yandex.ru

Received 01.03.2021

Abstract. The current realities of the rapid development of technology and the social relations that are becoming more complicated in this regard require the formation of new forms and types of legal regulation. At the same time, it is fair to consider the quantitative criterion of accepted legal norms as an ineffective way to eliminate the uncertainty of law. In turn, the practice of using legal doctrines as a source of law in the Anglo-Saxon legal system for several centuries has shown its effectiveness in regulating relations that remain outside the legal space,

while taking into account both legal tradition, doctrinal interpretations of legal scholars, and established judicial practice. In the study, the author suggests the formation of sectoral legal doctrines by analogy with the experience of using similar institutions in the United States of America as a perspective for the development of Russian legal science and practice. For this purpose, the features of the institute of legal doctrines in the USA are considered. As a result of the research, the author comes to the conclusion about the possibility of successful extrapolation of this institute. At the same time, it is emphasized that the process of forming sectoral legal doctrines should consist in collecting empirical material, monitoring data on the operation of regulatory legal acts and the results of scientific activity. However, as a result of this time-consuming process, doctrines will become a tool that allows determining the proper legal regulation of rapidly changing public relations, without waiting for the result of a long law-making process and will be a help for both legislators and law enforcement officers.

Key words: legal doctrines, judicial doctrines, US doctrines, US legal system, Russian legal system, industry doctrines, judicial precedent, legal innovations, uncertainty of law.

For citation: *Latypova, N.S. (2022). Prospects for the formation of legal (judicial) doctrines: the experience of the USA and the possibilities of reception // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 162–167.*

Внедрение цифровых технологий, усиление центробежной силы глобализации и смещение фундамента большинства государств в сторону либерализации общественных отношений неизбежно трансформировали и продолжают трансформировать и правовую среду. Цифровые технологии позволили упростить социальную коммуникацию, обеспечить широкий доступ граждан к информационному полю и получению услуг, обусловили создание криптовалют и появление киберпреступности. Процессы глобализации постепенно стирают межгосударственные границы, инициируя экспансию зарубежных судебных систем и возвышая роль международного права.

В условиях возникновения новых общественных отношений и стремительного развития науки и технологий основной мерой, предпринимаемой государством по их правовому регулированию, является активная регламентационная работа, издание новых нормативных правовых актов. Следует констатировать, что при указанном подходе возникает излишняя зарегламентированность общественных отношений. Известна также методика определения эффективности деятельности депутатов Государственной Думы и законодательных органов субъектов Российской Федерации, одним из критериев которой выступает количество законодательских инициатив¹. Подобное стремление к количеству, а не к качеству в показателях эффективности приводит зачастую к появлению абсурдных законодательских инициатив, излишней регламентации и запутанности правовых норм, возникновению противоречий.

Как отмечает Е.О. Мадаев, «постоянные и многочисленные качественные доработки действующего законодательства свидетельствуют не всегда и не только о динамичности российского социума, но, увы, и о недостаточном социально-правовом и юридино-техническом качестве принимаемых законов»². При этом в гонке «законодательства» совершенно упускается из вида необходимость следования базовым правовым доктринам, которые, впрочем, недостаточно разработаны и сформулированы в юридической науке.

На наш взгляд, одна из основных причин подобных явлений правотворческой действительности, помимо

внедрения количественных показателей эффективности и конъюнктурного реакционного характера принимаемых норм, — недостаточная связь юридической науки, судебной практики и законотворческого процесса. Над российской юриспруденцией и всей правовой системой, по точному выражению А.А. Федорченко, «еще витают “духи прошлого”, призрак “нормативизма” пока достаточно силен в умах отечественных юристов-практиков и в самой теории права, не говоря уж об отраслевых юридических науках»³.

Указанный факт, в свою очередь, свидетельствует о наличии резерва, задела в возможностях взаимодействия правотворческой практики и юридической науки.

При этом не стоит забывать, что большинство вновь возникающих отношений требуют гибкости и оперативности правового регулирования, которое невозможно без расширения не только юридического инструментария, но и качественных инновационных решений в рамках самой юриспруденции. Одновременно с этим следует согласиться с мнением В.М. Баранова⁴, что сводить юридические инновации только лишь к орудиям труда, обеспечительному элементу технологического прогресса было бы не совсем верно. В данном случае предложенные любые новаторские предложения должны предлагать существенные изменения подходов к правотворчеству и повышению эффективности юридической практики.

Показательным примером, исторически подтвердившим эффективность взаимодействия юридической науки, судебной и правотворческой практики, является правовая система США, в структуру источников права которой входит и правовая доктрина, оказывающая прямое действие не только на законотворческий процесс, но и на конкретные судебные решения.

Заведомо вступая в некую конфронтацию со сторонниками исключительного пути развития Российского государства, хотелось бы отметить, что определенный положительный опыт развития США вполне может быть встроен в российскую правовую действительность. Тем более что, как верно отмечал Р. Давид, «в течение длительного времени доктрина была основным источником права и в романо-германской правовой семье; именно в университетах были главным образом выработаны в период XIII–XIX веков

¹ См.: Официальный портал Депутатов Государственной Думы 7 созыва // <http://www.deputat.club/news/8642> (дата обращения: 18.02.2020).

² Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. С. 167.

³ Федорченко А. Правовая доктрина — надежда остается // ЭЖ-Юрист. 2011. № 47. С. 2.

⁴ См.: Баранов В.М. Юридическая инноватика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 1. С. 8.

основные принципы права. И лишь относительно недавно с победой идеи демократии и кодификации первенство доктрины было заменено первенством закона⁵. Таким образом, определение значимого места правовой доктрины в системе источников российского права не является новаторской идеей, а вполне было свойственно романо-германской правовой семье вплоть до начала XX в.

Переходя к рассмотрению практики применения правовой доктрины в США и определению ее места в системе источников права следует отметить, что понимание юридической доктрины в англосаксонской правовой семье и романо-германской несколько различно. Согласно общему правилу под доктриной в правовой системе США понимается правило или стандарт, сформулированные чаще всего судами в отношении конкретного дела, однако затем распространившиеся на широкий круг правоотношений. Когда достаточное количество судей используют данное правило, оно может стать де-факто методом решения подобных случаев. Данное правило в дальнейшем находит отражение не только в решениях других судов, но также и в нормативных правовых актах. А.Р. Гильмуллин под правовой доктриной в англосаксонской правовой системе понимает «особую систему рациональных знаний, теорий и концепций, которая осуществляет равноуровневое воздействие на концептуальные положения юриспруденции, поскольку заключает в себе идеологические, политические и научные представления о должном поведении субъектов права»⁶. С данным определением возможно согласиться, однако роль судебного прецедента, не отмеченная в нем, несколько размывает представление об американских правовых доктринах, смешивая с понятием правовых доктрин, существующих в рамках романо-германской семьи. Несомненно, именно судебная практика, лежащая в основе правовых доктрин США, иногда называемых судебными доктринами, определяет их специфику и уникальный характер.

Указанное понимание правовых доктрин сформировалось еще под влиянием идей сторонников «правового реализма» О. Холмса, Р. Паунда, Т. Парсона, которые воспринимали право как определенный опыт и отрицали безусловный приоритет «права в книгах» перед «правом на практике»⁷.

В свою очередь, цели применения подобного «практического инструмента» также были сформулированы реалистами, которые рассматривали их в качестве решения проблемы неопределенности права. К последней представители реалистической школы относились как к состоянию, с которым необходимо бороться. И борьба эта может вестись различными способами: в одном случае — с помощью подробной правовой регламентации вновь возникающих общественных отношений или их изменений, что, как показано ранее, свойственно российскому законодательству, в другом — с помощью правовых доктрин и судебных толкований, используемых в англосаксонской правовой

системе. Именно в качестве «лекарства» от правовой неопределенности реалистами рассматривались правовые (судебные) доктрины. Данный путь представляется также рациональным, поскольку предопределяет не количественное изменение права путем механического внесения изменений в законодательство, а качественное, подразумевающее анализ и обобщение мнений ученых и практиков.

Далее более подробно рассмотрим несколько широко распространенных в правовой системе США доктрин с целью выявления их отличия от смежных понятий: принципов права и судебного прецедента, а также уяснения задач данного института в рамках англосаксонской правовой системы, возможности и эффективности его заимствования.

Первая из предлагаемых для рассмотрения доктрин — доктрина предосторожности покупателя — представляет собой историческое положение римского права, которое предоставляло продавцу дома законное право хранить молчание о любых дефектах дома и предполагающее, что при заключении договора купли-продажи покупатель обязан сам проявить все меры предосторожности для выяснения возможных дефектов приобретаемой вещи. Со временем доктрина стала неотъемлемой частью Закона о продаже товаров США 1930 г. Раздел 16 указанного Закона закрепил на основании доктрины положение о том, что «не существует подразумеваемых гарантий или условий в отношении качества или пригодности для определенной цели товаров, предоставляемых покупателю по договору купли-продажи»⁸. Данное правило также активно использовалось и в судебной практике⁹.

Следует отметить, что указанная доктрина вполне может быть сформулирована и в российском праве, поскольку ряд решений¹⁰ судов общей юрисдикции фактически ее уже содержит. Примером могут служить решения по делам о расторжении договора купли-продажи участков, на территории которых находятся магистральные газовые трубы, о которых покупатель до покупки не знал. В большинстве случаев суды, отказывая в иске к прошлым владельцам, обосновывают свои выводы положениями, сходными с доктриной предосторожности.

Специфичной доктриной, отражающей особенности правовой культуры и традиций США, является доктрина замка — правовая доктрина, которая определяет место жительства лица, его рабочее место, транспортное средство в качестве мест, в которых оно обладает иммунитетом и право применить силу в случае вторжения. В английском общем праве этот термин происходил от изречения, что «дом англичанина — это его замок». Доктрина была сформулирована юристом XVII в. Э. Коксом, а затем пришла вместе с колонистами в США. Доктрина нашла отражение в законодательстве всех штатов, каждый из которых в различной форме формулирует ее в своих законах — отдельные штаты включают в перечень объектов только жилище либо предусматривают различные возможности защиты вплоть до возможности причинения смерти, некоторые нормы содержат положение,

⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с франц. В.А. Туманова. М., 1999. С. 105.

⁶ Гильмуллин А. Р. Проявление правовой доктрины в современной практике ЕСПЧ и Верховного суда США: теория и практика: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований». North Charleston, 2018. С. 112–114.

⁷ Адигезалова Г. Э. Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 5.

⁸ The Sale of Goods Act 1930 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.toppr.com/guides/business-law/the-sale-of-goods-act-1930/> (дата обращения: 25.08.2020).

⁹ Sec v. Zandford, 535 U. S. 813 (2002); Stambovsky v. Ackley, 572 N. Y. S. 2d 672 (1991).

¹⁰ См.: Решение № 2-2/2019 2-2/2019(2-294/2018); М-284/2018 2-294/2018 М-284/2018 от 27.05.2019 г. по делу № 2-2/2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 30.08.2020).

которое обеспечивает иммунитет от любых гражданских исков, поданных от имени нападавшего. Данная доктрина нашла отражение в нормативных актах, например, в ст. 9.32 УК штата Техаса («лицо имеет право причинить смерть другому лицу, если тот незаконно и с применением силы вошел или пытался незаконно войти с применением силы в занимаемое гражданином жилище, транспортное средство, коммерческое предприятие или место работы»)¹¹, ст. 35.15 УК штата Нью-Йорк¹², Кодексе штата Теннесси¹³ и т.д., а также использовалась в обосновании многочисленных судебных решений¹⁴.

Указанная доктрина исходит из особенностей американской культуры и истории, связанных с опасностью нападения индейцев и преступных групп в сложный исторический период формирования нового государства, а также гарантированного Конституцией США права каждого гражданина хранить и носить оружие.

Показательной доктриной в области гражданского права является доктрина заботы, сформулированная еще в XIX в., которая предполагает, что одно лицо должно принимать должную меру заботы о другом лице, чтобы защитить его от причинения вреда или ущерба. Если такая обязанность будет нарушена, на лицо будет возложена юридическая ответственность. Как правило, обязанность проявлять заботу возникает в тех случаях, когда один человек или группа лиц предпринимают действия, которые могут причинить вред другому, будь то физический, умственный или экономический. К примеру, вождение автомобиля, оказание услуг в финансовой сфере (ситуация, часто возникающая в России по поводу ответственности финансовых брокеров), неосмотрительные нарушения прав соседей, работников и т.д.

Доктрина заботы нашла отражение в законодательных актах штатов, в частности разд. 1714 ГК штата Калифорния налагает общую обязанность заботы, которая по умолчанию требует от всех лиц принимать разумные меры для предотвращения вреда другим лицам. К примеру, на основании указанной доктрины в одном из судебных решений (*Lee v Lever*, RTR35 (1974)) власти были признаны ответственными за травму водителя, которую тот получил, будучи вынужденным свернуть с дороги при появлении на ней четырехлетнего воспитанника расположенного неподалеку детского сада. В указанном решении суд посчитал, что управление образования обязано было заботиться об автомобилях, проезжавших рядом с учреждением, защищать их от появления детей на дороге. Наличие данной доктрины в российском праве позволило бы обосновать гражданско-правовую ответственность небрежных соседей, финансовых манипуляторов и организаторов различных биржевых площадок, формально не совершающих противоправных

действий, однако, в действительности, стремящихся привлечь средства финансово неграмотных граждан, различных электронных ресурсов, негативно сказывающихся на психологическом состоянии подростков и т.д.

Одной из наиболее интересных доктрин конституционного права можно назвать доктрину подразумеваемых полномочий президента США, которая предполагает, что в условиях чрезвычайной ситуации президент во имя и на благо нации вправе принимать на себя полномочия, прямо не предусмотренные Конституцией США или иными нормативными актами. Принятые в период Гражданской войны (1861–1865) решения президента А. Линкольна выходили за границы его конституционных полномочий, большая часть из которых была прерогативой Конгресса США. Однако позднее в судебных решениях, в том числе относящихся к деятельности других президентов США, данная доктрина была использована в качестве обоснования законности действий главы государства в подобных условиях¹⁵ и нашла отражение в нескольких законодательных статутах. Указанная доктрина позволяет исполнительной власти оперативно реагировать на любые чрезвычайные ситуации, не дожидаясь принятия соответствующих законов. Показательным в данном случае стали меры, принятые Д. Трампом в ответ на угрозу распространения COVID-19. Одновременно с этим в реалиях правовой системы государственные органы субъектов Российской Федерации в отсутствие подобных правовых инструментов оказались ограничены в спектре своих действий. В частности, в регионе проживания автора статьи соответствующий Закон о чрезвычайных ситуациях, расширявший перечень полномочий главы субъекта Федерации, был принят только после снятия ограничительных мер.

В рамках рассмотрения особенностей применения правовых доктрин в США нельзя не затронуть вопрос о «долговечности» их существования и актуальности. Исторически сформировавшиеся доктрины могут быть отменены Верховным судом США исходя из изменившихся реалий времени, например, такие как доктрина «раздельное, но равное», сформулированная после Гражданской войны и принятия конституционных поправок, уравнивавших права чернокожих с белокжими гражданами США. Доктрина предполагала равные права, однако раздельную их реализацию (раздельное обучение, раздельные места проживания, питания и т.д.). Позднее доктрина была отменена как антиконституционная. Некоторые же доктрины исторически берут свое начало еще в средневековом английском праве и действуют доныне, например, доктрина «неподчинения», сформулированная в 1293 г. в судебном решении по делу о неповиновении лорда Шотландии Баллиола явиться в суд, предполагающая ответственность за неуважение к суду. Либо доктрина «хмельной кучер» – давний принцип апелляционного права, позволяющий апелляционному суду утверждать решение суда первой инстанции, которое приняло верное решение, но при нарушенной процедуре, либо ошибочных доводах. Решение суда опиралось на философское представление о том, что «человеческий разум так устроен, что во многих случаях он находит истину, когда совершенно невозможно найти путь, который ведет к ней»¹⁶.

¹⁵ См.: *Ex parte Milligan*, 71 U.S. 2 (1866); *Korematsu and United States* 323 U.S. 214 (1944); *Youngstown Sheet & Tube Co. v. Sawyer*, 343 U.S. 579 (1952).

¹⁶ *Lee v. Porter*, 63 Ga 345, 346 (1879) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://statutes.capitol.texas.gov/Docs/PE/htm/PE.9.htm#9.32> (дата обращения: 30.08.2020).

¹¹ Penal Code of Texas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://statutes.capitol.texas.gov/Docs/PE/htm/PE.9.htm#9.32> (дата обращения: 30.08.2020).

¹² New York Penal Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.onecle.com/new-york/penal/PEN035.15_35.15.html (дата обращения: 30.08.2020).

¹³ Tennessee Code Title 39. Criminal Offenses § 39–11–611 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://codes.findlaw.com/tn/title-39-criminal-offenses/tn-code-sect-39-11-611.html> (дата обращения: 30.08.2020).

¹⁴ См.: *Mason v. Hawes* 52 Conn. 12, 16 (1884); *McIntyre v. Murphy*, 153 Mich. 342 (1908); *Lobdell v. Keene* 85 Minn. 90, 101 (1901); *Strauel v. Lubeley* 186 Mo. App. 638 (1915).

При этом существуют в правовой системе США и доктрины, разработанные для регулирования новых общественных отношений, возникающих в связи с развитием науки и техники. Примером может служить трехуровневая доктрина киберпространственного сдерживания, разработанная США в 2018 г., «новационная базовая модель которой предусматривает восстановление межгосударственного сотрудничества, выработку и принятие государствами – членами ООН стратегии сдерживания, прежде всего киберугроз, включая защиту цифровых данных»¹⁷.

Таким образом, правовые доктрины являются динамичным институтом, однако сохраняющим правовые традиции и их преемственность.

Проанализировав примеры существующих в США правовых доктрин, становится очевидно, что юридическая доктрина в англосаксонской системе права формулирует правила и стандарты, исходящие из философских воззрений, научных представлений, либо исторически сложившейся практики регулирования тех или иных отношений. Первостепенную роль в формировании доктрин играют решения суда по конкретному делу, деятельность исполнительных органов власти и научные юридические теории, которые вследствие их признания и многократного использования становятся частью правовой системы и находят отражение в нормативных правовых актах.

Основной же задачей правовой доктрины в американском праве является структурирование прецедентного права, статутного права, обычного права. При этом структурирование правовых источников означает их интерпретацию таким образом, чтобы они вместе составляли связное целое, объединенное исторической преемственностью и правовыми традициями. В результате правовые доктрины не просто описывают и реконструируют некоторую правовую реальность, но и в определенной мере участвуют в непрерывном конструировании самой правовой системы, а также отражают определенный тип правовой культуры.

В связи с этим считаем достаточно перспективной идею о формировании подобного перечня доктрин в конкретных отраслях российского права. При этом следует согласиться с мнением А.А. Федорченко, что «у нас нет тысячелетней традиции применения правовой доктрины, как в англосаксонской и романо-германской правовой традиции. Однако эту традицию уже сейчас надо формировать, чтобы развивать и обогащать юридическую науку и практику, не скатиться в так называемый правовой формализм»¹⁸. Указанные попытки внедрения доктрин уже имеют место, в частности, А. Тириченко пишет об аргументированном обсуждении идеи включения в Налоговый кодекс РФ судебных доктрин экономической сущности и деловой цели, направленных на борьбу с налоговыми злоупотреблениями, по аналогии с подобными доктринами США¹⁹.

При этом следует различать близкие категории принципов и правовых доктрин, в отличие от первых правовые доктрины формулируют частные правила регулирования правовых отношений, их конкретной группы. Некий аналог правовых

доктрин англосаксонской модели содержится в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, разъяснения которых вкупе с научными доктринами вполне могли бы стать основой для формирования перечня доктрин конкретных отраслей права, что, в свою очередь, может стать перспективным направлением участия правовой доктрины в российском правотворческом и правоприменительном процессе.

Формирование перечня базовых правовых доктрин отраслей права позволит устранить многие пробелы правового регулирования, доктринально обобщить судебную практику и привести к единообразию судебные решения по однородным делам. В данном вопросе следует согласиться с мнением М.Ю. Емелина, согласно которому использование правовой доктрины при аргументации судебных решений «способно оказать положительное влияние на судебное правоприменение: повысить прозрачность и обоснованность судебных решений, добавить авторитетность судебской позиции и обеспечить учет общественного и научного мнения, усилить единообразие применения правовых норм при осуществлении правосудия»²⁰.

Заимствование американского опыта, несомненно, должно осуществляться с учетом собственных традиций и специфики романо-германской правовой системы. Поэтому в отличие от хаотично выстроенной системы правовых доктрин США, перечисленных лишь в общем виде в сборниках доктрин, перечни российских доктрин должны быть структурированы по соответствующим отраслям права и содержаться наряду с принципами в кодифицированных нормативных правовых актах.

Говоря об условиях формирования правовых доктрин в российской правовой системе, Е.О. Мадаев отмечает, что «доктрина должна обеспечить индивидуализацию, самоидентификацию отечественной правовой системы с учетом происходящего процесса общецивилизационной унификации по ряду параметров национальных правовых систем»²¹. При этом следует учитывать национальные правовые традиции, историю и культуру Российского государства, безусловно, имеющие свои исключительные особенности, поскольку «правовая доктрина существует и развивается в системе координат, которые задаются правовыми традициями, мировоззренческими, культурными, религиозными доминантами социума»²². Действительно, сложно не согласиться с тем, что при формировании перечня доктрин должны учитываться исторические и культурные особенности Российского государства, например, сложно представить среди отечественных доктрин положение о праве всех граждан свободно применять огнестрельное оружие для защиты своего жилища, в отличие от американского и английского права, где подобное положение основывается еще на средневековом праве и является частью культуры.

Основная работа по составлению доктрин должна заключаться в сборе эмпирического материала, данных мониторинга действия законов и, конечно, результатов научной деятельности, использовать арсенал из социально-правового моделирования, прогнозирования и эксперимента.

¹⁷ Танимов О. В., Зульфугарзаде Т. Э. Совершенствование правового обеспечения трехуровневой доктрины США по киберсдерживанию и защите цифровых данных // Юридическое образование и наука. 2020. № 6. С. 35–39.

¹⁸ Федорченко А. Указ. соч. С. 2.

¹⁹ См.: Tereschenko A., Vakhitov R. Russian Cross-Border Tax Structuring // Tax Notes International. April 6, 2009. Vol. 71. P. 125.

²⁰ Емелин М. Ю. Правовая доктрина в системе источников общего права: на основе анализа правовой системы США: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2015. С. 15.

²¹ Мадаев Е. О. Указ. соч. С. 189.

²² Semenihin I. V. Legal doctrine: aspects of understanding // Problems of legality. 2018. Issue 141. P. 9.

* * *

Самое ценное, на наш взгляд, в перспективе формирования правовых доктрин по аналогии с доктринами англосаксонской системы права заключается в том, что такого рода доктрины предоставят законодателям и судебным органам инструментарий, позволяющий определять должное правовое регулирование вновь возникающих в связи с развитием науки и техники отношений, не дожидаясь результата длительного правотворческого процесса, не всегда, к сожалению, подкрепленного теоретическими научными разработками и анализом эмпирического материала. Правовые доктрины рассмотренного типа, в данном случае теоретическая и практическая обоснованность которых не будет вызывать сомнений, станут подспорьем как для самих законодателей, так и для правоприменительной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правового порядка: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 5.
2. *Баранов В.М.* Юридическая инноватика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 1. С. 8.
3. *Гильмуллин А.Р.* Проявление правовой доктрины в современной практике ЕСПЧ и Верховного суда США: теория и практика: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований». North Charleston, 2018. С. 112–114.
4. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности / пер. с франц. В.А. Туманова. М., 1999. С. 105.
5. *Емелин М.Ю.* Правовая доктрина в системе источников общего права: на основе анализа правовой системы США: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2015. С. 15.
6. *Мадаев Е.О.* Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. С. 167, 189.
7. *Танимов О.В., Зулфугарзаде Т.Э.* Совершенствование правового обеспечения трехуровневой доктрины США по киберсдерживанию и защите цифровых данных // Юридическое образование и наука. 2020. № 6. С. 35–39.

8. *Федорченко А.* Правовая доктрина – надежда остается // ЭЖ-Юрист. 2011. № 47. С. 2.
9. *Semenihin I.V.* Legal doctrine: aspects of understanding // Problems of legality. 2018. Issue 141. P. 9.
10. *Tereschenko A., Vakhitov R.* Russian Cross-Border Tax Structuring // Tax Notes International. April 6, 2009. Vol. 71. P. 125.

REFERENCES

1. *Adygezalova G.E.* Sociological jurisprudence of the USA in the XX century: formation of doctrine, development and improvement of the rule of law: abstract ... Doctor of Law. Krasnodar, 2017. P. 5 (in Russ.).
2. *Baranov V.M.* Legal innovation // Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 1. P. 8 (in Russ.).
3. *David R., Joffre-Spinosi K.* Basic legal systems of modernity / transl. from French. V.A. Tumanov. M., 1999. P. 105 (in Russ.).
4. *Emelin M. Yu.* Legal doctrine in the system of sources of common law: based on the analysis of the legal system of the USA: dis. ... PhD in Law. Penza, 2015. P. 15 (in Russ.).
5. *Fedorchenko A.* Legal doctrine – hope remains // EZH-Yurist. 2011. No. 47. P. 2 (in Russ.).
6. *Gilmullin A.R.* Manifestation of legal doctrine in the modern practice of the ECHR and the Supreme Court of the USA: theory and practice: materials of the XVII International Scientific and Practical Conference “Current directions of fundamental and applied research”. North Charleston, 2018. P. 112–114 (in Russ.).
7. *Madaev E.O.* Doctrine in the legal system of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Irkutsk, 2012. P. 167, 189 (in Russ.).
8. *Semenihin I.V.* Legal doctrine: aspects of understanding // Problems of legality. 2018. Issue 141. P. 9.
9. *Tanimov O.V., Zulfugarzade T.E.* Improving the legal support of the three-level doctrine of the USA on cyber support and protection of digital data // Legal education and science. 2020. No. 6. P. 35–39 (in Russ.).
10. *Tereschenko A., Vakhitov R.* Russian Cross-Border Tax Structuring // Tax Notes International. April 6, 2009. Vol. 71. P. 125.

Сведения об авторе

ЛАТЫПОВА Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по науке Института права Башкирского государственного университета; 450005 г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

Authors' information

LATYPOVA Natalia S. – PhD in Law, associate Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Law of Bashkir State University; 131 Dostoevsky str., 450005 Ufa, Russia